

Башня III Интернационала, В. Татлин, 1919–1920

Проект памятника Христофору Колумбу в Санта-Доминго, К. Мельников, 1929

Виктория Сафонова

Приключения Незнайки в стране архитектурных утопий

Что может быть материальнее архитектуры? Однако она часто переплеталась с утопией, субстанцией в высшей степени эфемерной. Диковинные плоды последней манили людей своей причудливостью и иногда отчаянной невоплотимостью.

Красоту архитектурной утопии можно узнать далеко не только с помощью пыльного фолианта с гротесками Пиранези. В мир «странной» архитектуры есть куда как более короткие пути. Например, книга Николая Носова «Незнайка в Солнечном городе».

Едва ли не целая энциклопедия необычных зданий помещена в утопический мир детской республики. Множество забавных параллелей дает повод к тому, чтобы взглянуть на историю архитектуры глазами Незнайки и его друзей.

Итак, Незнайка, Кнопочка и Пачкуля Пестренький отправились в Солнечный город. Это название весьма недвусмысленно ассоциируется с «Городом Солнца» Томмазо Кампанеллы. Один из первых утопистов, Кампанелла описал в своем трактате мир, построенный на равенстве всех жителей и отмене семьи как таковой. Отголоски идей ренессансного мыслителя несложно найти в тексте Носова. Коротышкам, как и обитателям кампанелловского мира, неведом институт брака. Они увлечены трудом, озабочены темой справедливости — автор «Незнайки» был склонен к коммунистическим мечтаниям. Непосредственные провинциалы из Огуречного города с живостью реагируют на то, что видят в городе Солнечном (который являет собой высшую форму развития коротышечьего общества). И вот, после множества приключений и изрядного количества бесплатной (разумеется) газировки, приходит время осмотреться.

Уже первая градостроительная новация — вращающийся дом — вызывает шок у путешественников. Незадачливых коротышек выручает архитектор Кубик, становящийся их провожатым в мире солнечного зодчества. «Первый проект вращающегося дома — рассказывает он, — создал архитектор Вертибутькин. Это было несколько лет назад. С тех пор многие архитекторы подхватили его идею, и у нас уже довольно большое количество таких зданий. Есть дома, которые совершают один оборот не за час, а за два, три и даже четыре часа».

Это описание прямо связано с идеями и эскизами советских авангардистов! В начале XX века художественный процесс космическими темпами приближался к прорыву за рамки фигуративизма.

Абстрактная живопись — осмысление статики и динамики — подталкивала к выходу в трехмерное пространство. Первые футуристические архитектурные проекты в России появились вслед за Октябрьской революцией. В 1920 году Владимир Татлин представил знаменитый дерзкий **проект монумента III Интернационалу** (1919–1920). Этот функциональный памятник высотой более 400 метров, по замыслу автора, должен был вместить штаб-квартиру будущего пролетарского правительства всего мира. Внутри двух спиралей располагались тематические корпуса — куб, цилиндр, пирамида и шар. Фантастичность проекта в том, что они должны были вращаться: законодательный блок делал один оборот в год, исполнительный — в месяц и, наконец, информационный отдел на самом верху — в час. Также Татлин в своем проекте предполагал поместить на башне прожекторы, которые проецировали бы в небо тексты коммунистических лозунгов. А в романе Носова описаны гигантские иллюстрации к сказкам, размещенные на стенах коротышечьих домов.

Впрочем, не успел Незнайка с друзьями узнать все о вращающихся домах, как оказался вместе с архитектором Кубиком на совещании, где шел спор о целесообразности строительства такого рода сооружений: «Сейчас же к столу подошел коротышка в синем костюме с белыми полосочками и с таким же полосатым галстуком. Он сказал: «Вертящиеся дома, как показал опыт, строить можно, никто с этим не спорит. Но надо ли их нам строить — вот в чем вопрос. Главная беда заключается в том, что у коротышек, живущих во вращающихся домах, нарушаются правильные представления об окружающей действительности. Я знаю, о чем говорю, потому что сам живу в вертящемся доме. Вот послушайте, что получается: за день солнце раз десять-двенадцать появляется в окнах моей квартиры и столько же раз исчезает. Как только солнце появляется, мне начинает казаться, что наступило утро, но как только солнце исчезает, мне кажется, что пришел вечер и пора ложиться спать. К полудню я уже не знаю, что сегодня — сегодня или вчера, или уже, может быть, завтра, а к вечеру мне кажется, что прошел не один день, а, по крайней мере, двенадцать».

Коротышки сурово осудили нарушение закона статичности архитектурных сооружений, реальность сопротивлялась утопии. Экцентричные татлинские предложения тоже потерпели фиаско: Троцкий посчитал проект слишком сложным, а Ленин прикрепил к нему ярлык «типичного художнического чудачества».

Это, однако, не остановило других: Константин Мельников, высоко ценивший творчество Татлина, дважды включал в свои конкурсные проекты функцию «вращения» (в одном случае четыре верхних этажа здания должны были с разной скоростью делать обороты вокруг своей оси).

Другой пример — входящие друг в друга цилиндры в **проекте памятника Христофору Колумбу** (1929). Вращаясь, они

становились метафорой ускользания времени и неизменности памяти.

Николай Носов, учившийся кинорежиссуре в Москве, не мог не знать о фантастических архитектурных проектах своих современников. И то, что никогда не было воплощено в пространстве советских городов, нашло спасение в утопической детской сказке о Солнечном городе.

Осталось в коротышечьем мире и своеобразное архитектурное гетто, состоящее из зданий, построенных согласно классической ордерной системе. Они отжили свой век и демонстрируются скорее как рудимент архитектурной мысли.

Однако детский писатель не ограничился мотивами советского архитектурного авангарда. Его герои любят сооружениями, для конструктивистов совершенно невысказанными: «Повернув за угол, путешественники очутились в Музыкальном переулке, где все дома были построены в виде каких-нибудь музыкальных инструментов. Один дом был в виде пианино, другой — в виде рояля, третий — арфы, четвертый — аккордеона, пятый — барабана. Только один угловой дом был сделан почему-то в виде глиняного горшка».

В Древнем Риме владетель пекарен и булочных Еврисак обрел посмертную славу благодаря собственной гробнице (I в. до н.э.). На мощные столбы был помещен массивный параллелепипед с множеством круглых отверстий. Историки архитектуры не сходятся в объяснениях: одни полагают, что это отверстия пифосов (больших глиняных сосудов для зерна), другие сравнивают эти отверстия с жерлами печей. Так или иначе, **гробница Еврисака** указывает на ремесло захороненного в ней человека.

Правда, куда интереснее этого древнего архитектурного курьеза предвидение Николаем Носовым будущего архитектуры, функциональных и формальных поисков мастеров будущего. «Незнайка в Солнечном городе» увидел свет в 1958 году. А в 1960-м молодой японский архитектор Кисе Курокава предложил формы архитектурного метаболизма — зданий, для которых возможно быстрое трансформирование,

Гробница Еврисака, I в. до н.э., Рим

Еврейский музей, Д. Либескинд, 1999, Берлин

создав капсульное здание **Накагин**. К башням, в которых размещались лестницы и лифты, крепилось множество модулей, каждый из которых, без помехи для остальных, мог быть заменен новым. Похожее здания можно найти на улицах утопического города: «Кубик показал путешественникам два очень красивых дома. Один из этих домов представлял собой нагромождение каменных полушарий. В каждом полушарии имелись полукруглые окна и двери. Нужно думать, что и комнаты в этом доме были все сплошь полукруглые. Другой дом был словно бы сложен из множества поставленных друг на друга бочонков».

Но герои книги увидели и совсем другие сооружения: «Вот, например, дом, который словно какая-то неземная сила приплюснула и перекосила в сторону. В нем все скособочено: и окна, и двери, и стены, и потолки. Попробуйте пожить с недельку в таком помещении, и вы увидите, как быстро переменится ваш характер. Вы станете злым, мрач-

ным и раздражительным. Вам все время будет казаться, что должно случиться что-то скверное, нехорошее. И все оттого, что наклонные стены вашей комнаты словно бы постоянно угрожают нападением, и вы никак не можете отделаться от впечатления какой-то неотвратимой беды». Именно такое ощущение создает здание **Еврейского музея** Даниеля Либескинда в Берлине (1999), посвященного жертвам Холокоста. Скошенные потолки, разновеликие стены, узкие окна-бойницы, прорезанные под наклоном. Многие признавались, что пространство этого сооружения будто несет в себе угрозу, надвигающуюся опасность, создает ощущение неумолимой, гнетущей силы.

Постмодернизм в этом случае торжествует. Скошенное и изломанное здание победило к концу XX века тектонику динамичных конструктивистских форм. И только Солнечный город по-прежнему удивляет детей вращающимися домами архитектора Вертибутылкина.

Капсульное здание Накагин, К. Курокава, 1972, Токио

